

Феликс Бахшиев

Бежит Изанинка к Каспию

Феликс Бахшиев

**Бежит
Изанинка
к Каспию**

Махачкала 2013

Бахшиев Ф.

Бежит Изанинка к Каспию. – Махачкала, 2013. – 112 с.

© Бахшиев Ф., 2013

***«Стремиться надо не к успеху,
а к приобретению смысла жизни»***

Альберт Эйнштейн

***«Жизнь человека всегда должна
походить на реку, протекающую
предо мной: постоянно одно
и то же русло и в нем в каждый
момент свежая вода»***

Р. Тагор

Глава первая

ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Эта легенда передается из уст в уста вот уже несколько веков. Высоко в горах, там, где их острые шапки и хребты замерли в упорном беге к небу, где срывающиеся с круч стремительные речушки, сталкиваясь, сливаясь, захлебываются в радостных объятиях, рождая начало Андийскому койсу, жил молодой горец по имени Пахру.

Легкий на ногу, крепкий на руку и острый на глаз, по ведомым только ему тропам он ходил в земли Белокан, Закаталов, Гюргистана, бил туров, волков, лис, медведей, над альпийскими лугами и долинами звенели, растекаясь его песни...

Долго кипела молодая кровь. Наконец, Пахру решил остепениться. Наколов от близлежащей скалы камень, он поднял свою саклю, высокую, в три этажа, чтобы из нее хорошо были видны окрестности. Досужие разговоры аульчан он не принимал к сердцу, а старые отец и мать ему не перечили ни в чем. Жизнь на то и дается, чтобы творить, — говорили они отдельным добротам и советчикам, — а не сгибаться под ее бременем.

Как-то поднялся Пахру на крышу своей сакли-башни, глянул окрест, и впал в уныние: чего-то ему не доставало. В один из дней он ушел вниз, в сторону Гуниба, и вернулся спустя две

недели, с большой вязанкой молоденьких белоствольных деревьев на спине. Он их холил и лелеял, как детей: в кожаных мешках приносил землю, поил родниковой водой. И разрослась вокруг сакли вскоре березовая роща.

Наконец, подошло время остепениться. В саклю вошла молодая хозяйка. Родился сын, которому Пахру подарил свое имя.

Чего еще надо молодому горцу? Как-то Пахру низко склонился над родником, ополаскивая вспотевшее лицо студеной водой. Она с веселым журчанием выбивалась из-под корявого кизилового деревца и, растекаясь по яркой траве, уползала, скатывалась вниз и исчезала в земле. Пахру долго смотрел на весело булькающую под корягой воду (кто знает, о чем были его думы в ту минуту), пришел домой, взял топор и исчез из аула на несколько дней.

Вернулся он с большой вязанкой ровных кизиловых столов. И закипела работа в руках Пахру. Из стволов он сделал подобие труб, выкопал ямы, придав им форму корыта, обложив горным камнем, из того же камня соорудил скамейки, обложив их сверху тесаным деревом, и пошла от аула к аулу молва о родниках Уста Пахру.

Путники, прежде проходившие мимо этого заброшенного далеко в горах аула, сворачивали с горной дороги, останавливались у родников, совершали свой намаз и в конце его упоминали добрым словом имя Уста Пахру, воздавая ему хвалу. Отдохнув и испив родниковой воды, они направлялись дальше, сообщая в пути другим путникам о благословленном уголке земли.

Давно уже нет на свете Уста Пахру, спустились с гор и разохались по городам и весям его потомки, но живут еще в своих домах старые горцы и останавливаются у родников Уста Пахру путники.

Глава вторая

О МОЕМ ГЕРОЕ

ВЫ когда-нибудь испытывали неопишное чувство от свежего морского воздуха, чистого и легкого, насыщенного запахом водорослей, вернее, настоянного на нем? Он необычен, этот воздух, несравним ни с чем, его вдыхаешь и вдыхаешь, вбирая все больше и больше в грудь, в легкие, пытаешься насытиться им, опьянеть, но никак не насыщаешься и не пьянеешь, а чувствуешь себя в каком-то новом, неведомом мире запахов и чувств...

Вам знакомы такие запахи и чувства?

Мы ступаем по чистому золотистому песку и ракушкам, очищенным и омытым обильными зимними снегами и шумными весенними дождями. Перед нами переливающееся солнечными бликами сине-зеленое море. Над нами ясное иссиня-синее небо, опускающееся к горизонту и сливающееся с морем. Много можно найти на земле, нарисовать в воображении райских уголков, но такого уголка с таким запахом, с таким золотисто-синим простором — вдохновением для души... трудно сказать.

Вы можете представить себе в раю строительную площадку? Абсурд, скажете, да и только. Я тоже нет. Но здесь идет строи-

тельство. Стоят на песке двухэтажные коттеджи, а строительного мусора не видно нигде.

Али Чаранданович обводит рукой вокруг и довольно улыбается:

— Здесь будут стоять коттеджи, рядом бассейны, теннисный корт, вокруг будут разбиты цветники, розарии... Создадим условия заниматься спортом, надоело море, хотя оно вряд ли кому надоест, или вдруг непогода, шторм — пожалуйста, бассейн к услугам, а в коттеджах все, что предлагает вам цивилизованный мир: и кондиционеры, и холодильники, и телевизоры, и домашние кинотеатры, всяческие электроприборы, удобная и уютная мебель. И все по высшему классу.

Он выдерживает паузу, потом подчеркивает:

— Мы не хуже других.

Да, размах большой.

— Кто-то из руководителей турагентств что-то подобное пробовал создать?

Али Чаранданович снова улыбается:

— Нет. Я первый.

И снова он первый.

Первым открывал международный рейс из махачкалинского аэропорта зарубеж.

Первым помог Духовному управлению организовать перелёт верующих на хадж в Мекку.

Первым установил партнерские контакты с президентами иранской туристической компании «Каспиен Айрлайн», пакистанской компании «Хасиб Экспресс», компании Объединенных Арабских Эмиратов «Ал Раис Тревел», сирийской компании

«Рамсис», южно-корейской компании «Уорлд Экспресс».

Первым открыл авиарейсы в Сирию, Пакистан, Арабские Эмираты.

Первым организовал турпоездки в Испанию, Баден-Баден (Германия), Гуаньжоу (Китай).

Первым организовал экскурсионные поездки по Золотому кольцу России.

И что немаловажно, о чем я должен был упомянуть в самом начале, он, Али Чаранданович Амирханов, был первым в Дагестане, кто организовал туристическую фирму под названием «Джами»: может быть он, горский парень из аула Изано Ахвахского района, так сильно любил свою дочь Джамилю, что хотел назвать ее именем свое первое детище, своего первого ребенка? Не знаю. Только ему ведомо это решение, но оно для всех нас — тайна.

После «Джами» на карте республики как грибы после дождя стали проклёвываться, набираться сока и силы другие турфирмы. Стали подражать, конкурировать. Сегодня их более десятка.

Но «Джами» — родоначальник. Он первый, потому что он живет не только организацией путешествий, экскурсий, но и идеями. Этими идеями, незначительными и крупномасштабными, полна голова и Али Чарандановича, и его дочери Джамили — ныне генерального директора «Джами», и членов небольшой команды.

Родилась идея создать и выпустить многокрасочный «Путеводитель по Дагестану»? Осуществили ее. И как! На удивление другим.

Задумали в юго-восточной оконечности столицы республи-

ки создать открытый музей, где будут представлены все районы со своим бытом, укладом жизни, народно-прикладными ремеслами, кулинарией, одеждой... Выступили в газете «Махачкалинские известия» со статьей, в которой подробно описали и схему музея, и мотивы, вызвавшие его создание. А мотивы общечеловеческие: сохранить для наших детей цивилизованный уклад жизни их предков, с каждым годом становящийся призрачным, сохранить тонкую нить, связывающую уходящее прошлое и наступающее новое: теплоту и братство, с одной стороны, и отчужденность и прагматизм, с другой.

Нет сомнения, что к этой статье, к этой идее команды «Джами» общественность вернется.

Хочется, очень хочется, чтобы вернулась. А у Али Чарандановича рождается снова идея: создать на берегу Каспия базу отдыха для туристов. Чтобы приезжающие в республику гости селились не в городских гостиницах, а на чистом берегу чистого и ласкового моря. И вот они, коттеджи, выросшие на золотых песках, и вот они, контуры бассейна, спортивной площадки, газонов, розариев...

— Много ухлопаешь денег? — спрашиваю, не глядя на него.

— Да что деньги... Правда, и без них нельзя, но и их с собой не унесешь. Знаешь... — он выдерживает долгую паузу. — Человек должен что-то оставить после себя. Что-то красивое, нужное людям, доброе...

Море до одури пахнет водорослями.

Глава третья

ПРИТЧА

ОН опустился на золотистый песок и прислонился к стволу пальмы. Он был весь белый: белолицый, белобородый, в белой чалме, в белом бурнусе. Вокруг него простирались пески великой пустыни, а в нескольких метрах голубело озеро, вокруг которого разбегались финиковые пальмы.

Старец, прошедший длинный путь, присел отдохнуть.

Из пальмовой рощи вышла женщина. Она была в белом платье, голову покрывал белый платок. В левой руке она держала кувшин, правой — прижимала к себе ребенка. Малыш размахивал ручонками, словно, пытался взлететь с материнской руки.

— Отпусти сына, доченька, — тихо произнес старец.

Женщина взглянула на него глазами цвета озера (она оказалась совсем юной) и испуганно произнесла:

— Он еще не умеет ходить, он совсем маленький.

— Не бойся, отпусти, ты же видишь, что он хочет ходить...

Женщина отпустила сына. Малыш закачался, замахал ручонками, радостно засмеялся и... упал. Женщина подняла его со словами: «Ну, я же знала!». И принялась поглаживать ему коленки.

— Ему понравилось ходить, отпусти его, — велел человек, и голос его был твердый, но теплый, располагающий.

Она снова опустила сына, осторожно, бережно, и встала совсем-совсем рядом, чтобы успеть подхватить, если... Но малыш залился смехом и пошел. Пошел, раскачиваясь и из стороны в сторону, как утенок.

— Земля велика, дочь моя, безмерно велика. За этими песками лежит море, оно бывает то спокойное, то бесится, за морем — степи, за степями — непроходимые леса, за лесами — горы, за горами — опять необозримые степи, а потом — океан... Земля велика, и много дорог ему придется исходить. А дорога длиною в долгую жизнь начинается с первого шага. Ты видишь, как он уже шагает? Порадуйся за сына, дочь моя.

Золотом отливали пески, остывал от дневного зноя голубой шелк неба, начинала темнеть вода в озерце, и над этим теплым покоем ликовал звонкий голосок.

Глава четвертая

О МОЕМ ГЕРОЕ

Вэтом изумительном по красоте, благословенном уголке земли, в долине, покрытой изумрудными травами, уютно расположился аул Изано. Чашу долины со всех сторон окружают и берегут лобастые горы-исполины, изрытые пещерами и обгрызанные временем.

Выше них только небо.

По цветастой долине бежит вертлявая и игривая речка, что-то шепча про себя на только ей понятном говоре и радуясь солнцу. Сбегая вниз, она схлестывается, обнимается с другой такой же речкой, сливается с ней и бежит дальше, и там, далее сливается с третьей, и, в конце концов, они дают начало Андийскому койсу.

В мире этого чистого горного воздуха, обилия пахучих трав, ледниковой воды Изанинки, в мире покоя и красоты и родился Али сын Чарандана.

Первый свой шаг, робкий и шаткий, может быть, еще не осмысленный, он сделал в комнате. Другие — уже на бархате трав.

Шло время. И Али стал открывать для себя этот суровый красочный мир. Вместе со сверстниками, шустрými, забавными, любознательными, делали в речке Изанинке запруды и купа-

лись в холодной горной воде, визжа и крича от восторга, а потом, сжавшись в комочек, грелись под солнцем. Ходили в лес и ели прямо с кустов землянику, чернику, ежевику... Поднимались к лобастым горам и без страха, как могут мальчишки, блуждали по их многочисленным пещерам, пугая голубей, которых сгоняли с насиженных мест. Их появление вызывало удивление, а порой и страх у орлов: они слетали с горных круч и кружились над мальчишками, дабы те не обнаруживали их гнезда.

Мир открывался перед Али своими границами. И мальчик начинал познавать его. Он часто стал обращаться к отцу с расспросами: а что за этими горами, кто там живет, а можно ли к ним пойти и за какое время. А отец хорошо знал не только жителей соседних районов, но и соседних республик. По изхоженным дорогам и тропам ходил он в Белоканы, Закаталы, что в Азербайджане, в Грузию, имел там родственников, земляков и кунаков, а потому живо и интересно рассказывал сыну о быте и традициях соседей, нравах и культуре, музыке и языках, на которых они говорят. А однажды, дабы наконец удовлетворить любопытство мальчика, взял его с собой. Отправлялись недалеко, совсем недалеко — в соседний Кахибский район, но какую радость испытывал мальчик... Впервые уходил из своего аула, и в первый раз с отцом...

Посадил отец сына на осла, а сам пошел пешком. Мир с его красками и картинками медленно открывался мальчику. Приняли их в селении Асаб как родных. А на обратный путь дали несколько корзин абрикосов. Али с удовольствием ел эти солнечного цвета сочные сладкие плоды, разбивал камнем косточки, разжевывал их содержимое, которое на удивление тоже было вкусно, впри-

прыжку догонял осла, набирал пригоршню абрикосов... И потом они отдыхали под развесистым тутовым деревом над бурливой речкой, и, приглушая его говорок, отец рассказывал сыну о землях, в которых он побывал.

Потом были школьные годы, которые буквально пленили горского мальчика. Перед ним раскрывали свои тайны и секреты не только мир знаний, но и мир людей — множеств больших и малых, бедных и богатых, цивилизованных и отсталых в своем развитии стран. Для него и всех горских ребятишек школьные учителя совершали походы, экскурсии, поездки в горы, другие долины, соседние районы, дабы показать им их малую родину, ее красоты и богатство, приобщить к миру людей, всего общества.

Школьные учителя были хорошими воспитателями горских ребят, чуткими, добрыми. И все же лучшими были родители, близкие, родные.

С малых лет у отца Чарандана, у родных братьев Амирхана и Сиражудина учился Али честности и порядочности. Можно сказать — впитывал эти качества как родниковую воду. А от матери Пери и сестер Салихат, Патимат и Ханики унаследовал такие черты характера, как нежность, милосердие, любовь к людям.

Эти высокие благородные человеческие чувства помогали ему в долгом пути в большую жизнь, проявлять гуманность, человеколюбие, доброту.

Приведу только один, казалось бы, неприметный пример.

Будучи уже успешным человеком, он восстановил отчий дом в ауле Изано: отремонтировал, облагородил и... передал в пользование обществу аула для медресе для проведения собо-

лезнований, для организации различных сборов, которые считала нужным общественность селения.

А теперь призадумаемся: многие ли дагестанцы поступают так с родительским домом?

У многих ли бескорыстна и широка душа?

Глава пятая

БЫЛЬ

Поглаживая короткую чистую бороду, мужчина неотрывно глядел вдаль.

Он сидел на стволе сваленного дерева, прогнившего от времени, с двух сторон высились горы, ошестинившиеся лесом. Под ногами клубились облака, словно снежные сугробы; изредка они расходились и между ними далеко внизу виднелись горная дорога, аульские дома, лента реки. Прямо перед глазами, над сугробами облаков, далеко-далеко проглядывались легкие, призрачные очертания гор.

Было то время суток, когда ночная тьма рассеивается и ему на смену приходят холодные серовато-синие краски.

Девственную тишину прорезал скрип, на тропе появилась арба. Ишак нехотя тащил ее, понуро опустив голову. За арбой так же нехотя брел старый горец, так же понуро опустив голову в мохнатой, исхлестанной временем папахе. Казалось, и ишак, и старый горец, упершись взглядом в тропу, думали одну думу.

Мужчина оторвал взгляд от серовато-синей дали, обернулся, и добрая улыбка легла на его губы: жалкая процессия изумила его.

— Пусть наступающий день будет для тебя лучезарным.
Куда в такую рань?

Старый горец поднял голову:

— У каждого свои заботы, — и снова склонился над тропой.

— Ты это верно заметил, — усмехнулся мужчина. — При-
сядь рядом, впереди долгий день, успеешь горбиться.

— Мой день начинается, когда гаснут звезды, — проговорил
старый горец, — а заканчивается, когда они снова загораются.

— Сядь. Я тебе покажу чудо.

Старый горец опустил на ствол дерева.

— Что за чудо ты хочешь мне показать?..

— Смотри вперед, во-о-он туда...

Краски над контурами дальних гор стали смягчаться, серо-
синие тени стали окрашиваться в фиолетовые, последние — в ро-
зовые, все происходило быстро, плавно, потом из-за дальних
острых пик брызнул яркий золотистый свет и, наконец, стало
подниматься солнце — ясный, словно умытый диск выплывал
медленно, но решительно, и вскоре всё вокруг — и мрачные от-
роги гор, и ущелье, и леса разрумянились в потоках солнечных
лучей, и снопы золотистого света прорезали кроны и густые вет-
ви деревьев, и все вокруг заискрилось.

Сугробы облаков растаяли, и далеко внизу открылся зали-
тый солнцем аул, который прорезала ослепительно сверкающая
лента горной реки.

— Ваппапай, — изумленно произнес старый горец. — Это
чудо... Клянусь Аллахом, чудо...

Мужчина, улыбаясь проговорил:

— Если ты будешь жить, уставясь взглядом в тропу, то как же увидишь красоту мира?

По левой щеке старого горца поползла слеза, на правую ресницу выкатилась и повисла другая.

От утренней свежести или от чего-то другого?

Глава шестая

О МОЕМ ГЕРОЕ

Завершили свои шалости и бег веселые и беззаботные детские годы. Заканчивалась и школьная пора. Перед юным горцем встал вопрос: кем стать? Ему нравилась профессия учителя: он много знает, отдает тепло души детям, с трепетной любовью и бережностью готовит их к жизни. Нравилась профессия агронома: в летние месяцы работал в колхозе и познал радость сельскохозяйственного труда, да и отец как живой пример был перед ним — без колхоза он не мыслил себе жизни. Коллективное хозяйство для аульчан было общим домом, в котором все жили одной дружной семьей.

Путь в агрономы перевесил чашу выбора.

В сельскохозяйственный институт выезжали несколько ребят, которые еще ни разу не были в большом городе. Настал день отъезда. Родные ребят от мала до велика отправились в Карата, откуда улетали самолеты АН-2, или как их называли еще кукурузники. На летном поле были долгие наставления, проводы, наконец, дверь самолета закрыли, зачертыхал, заревел мотор, набрал обороты винт, самолет побежал по аэродромной полосе, все быстрее, быстрее, оторвался от земли и завис в небе.

Необъяснимое чувство охватило Али. Все ниже и ниже уходила земля, отступали горные кручи, аулы, раскиданные в долинах и лощинах, походили на пчелиные улья.

Далеко впереди заискрилась длинная снеговая цепь.

— Главный Кавказский хребет, — крикнул пилот, заглушая рев мотора, повернув голову к пассажирам.

Потом внизу, в теснинах скал — в сумрачном каньоне, засверкала длинная, нескончаемая лента воды.

— Андийское койсу, — снова крикнул пилот.

Ему нравилось открывать пассажирам свой мир.

И Али с интересом и благоговением открывал для себя мир. Новый мир, которого не было ни в Изано, ни на пространстве, которое простиралось до Белокан, Закаталов, Алазани...

Сорок минут полета прошли совсем незаметно, под крылом самолета показались улицы и дома широко раскинувшегося города и синее-пресинее море, которое горским ребятам было в новинку: слышать о нем они слышали, и довольно часто, а видели впервые.

Наконец АН-2 покатил по земле, замер, зачертыхал, взревел мотор и затих.

Ребята впервые вступили на махачкалинскую землю.

Теперь им надо было добираться до сельскохозяйственного института. Дежурный по аэропорту, увидев на их лицах растерянность, расспросил, откуда и зачем прилетели, и подробно объяснил, как доехать до института: сначала до моста, там пересесть на шестой маршрут автобуса и долго ехать, пока не увидят огромный дом.

Мальчишки доехали до моста, пересели, как им посоветовал сердобольный дежурный, на автобус, следовавший по шесто-

му маршруту, вскоре увидели большие дома и сошли. Их было несколько, какой из них был институт? Оказалось, как объяснили прохожие, это центральная площадь, ехать надо дальше. Опять сели в автобус и опять вышли у большого дома.

Это был университет. Снова пришлось продолжать путь, но теперь уж вышли у нужного дома.

Так Али с друзьями открывали мир города. Новый для себя мир.

В этот приезд Али в институт не поступил, пришлось возвращаться домой в Изано, работать в колхозе, а потом в библиотеке.

Спустя год он стал студентом, но... Государственного педагогического института.

Учеба увлекла его в мир знаний. Открывалось прежде незнание, неведомое, необычное и удивительное для горского парня. И он совершал открытие с удовольствием, с каким-то упоением, даже жадностью. Но его съедала и другая жадность — познания мира: увидеть другие города, страны, познакомиться с другими нравами, традициями, познать красоту души иных народов, их культуры. Как утолить эту жадность, которая мучила его, когда ведь годы идут?

Оно подошло незаметно, вожделенное время. Али работал уже в обкоме комсомола, когда ему предложили поехать в туристическую поездку в Германию во главе группы юношей и девушек из Дагестана. Первый шаг был сделан. Каково было состояние его души — кроме него самого никто не ведал. Перед ним открывалась граница в западный мир, и это в семидесятые годы, в пору «холодной войны» и «железного занавеса», когда над страной довлел неписанный закон «держат и не пущать»...

Германия потрясла его и красотой своих городов, и удивительной чистотой и уютом улиц, проспектов, площадей, парков, и высокой культурой людей, их обходительностью, уверенностью в себе. Но представьте себе мальчика, выросшего в долине, окруженного лобастыми горами, в Берлине... Какие чувства он испытывал, какие мысли роились в голове?.. Конечно, красота величественных гор и цветущей долины ни с чем не сравнимы, они — в сердце, в самой крови, и вовек ее не сотрешь. И в то же время мощь, поэзия цивилизации опутывают, покоряют, дурманят и восхищают. Более того, и это важно, они окрыляют человека, зовут быть лучше, и жизнь вокруг себя делать лучше.

Поездка в Германию была первой в зарубежную страну. За ней последовал круиз по странам Скандинавии. Комфортабельный четырехпалубный теплоход вышел из Мурманска. На его борту находилось четыреста туристов — это население, считай, одного аула. А сам «аул» на воде состоял из кают, музыкального салона, просторной столовой, бассейна, палуб с шезлонгами, креслами, скамьями, со спортивным инвентарем... И не это поражало Али, а само море, свинцового цвета, холодное, вязкое, как ртуть, не похожее на синий теплый Каспий. И не фиорды удивляли Али — изрезанные временем и морем горы, а поселки и города, раскиданные по горам, бревенчатые дома, выкрашенные во все цвета радуги, от чего и сами суровые горы светились цветами радуги. Али впервые, здесь, на окраине Осло, увидел огромные лыжные трамплины, где проводятся мировые чемпионаты, а в музее Тура Хейердала плоты «Ра» и «Кон-Тики», на которых великий ученый и отважный путешественник совершал путешествия по морям и океанам, открывая новые миры.

На причале Копенгагена, там, где отдыхают огромные теплоходы, увидел он и русалочку, сидящую на камне, омываемом морской водой, и пристально, с надеждой и печалью глядящую в даль. В этом тихом, красивом, уютном городе он впервые увидел, как говорят у нас, злачные места — интимные и секс-клубы, свободно и просто приглашавшие посетителей, и многочисленные группы хиппи, которые расположившись прямо на тротуаре, занимались чем угодно, а если точнее, всем, что в голову взбредет. И никто из прохожих на них не обращал никакого внимания. Каждый жил сам по себе, руководствовался своим кодексом совести и чести.

В Стокгольме Али любовался Орфеем, который у здания шведской Академии наук, воздев руки к небу, воспевал свою любовь, в Королевском дворце смотрел смену королевского караула, потом любовался изящной архитектурой здания ратуши, бродил по узким, каменистым улицам старого города, а будучи в музее скульптора Миллеса осматривал не столько его замечательные работы, сколько сверху (а дом-музей Миллеса располагался на холме) сам Стокгольм, широко и привольно раскинувшийся внизу.

Впечатлений было так много, что он долго, очень долго жил ими. И может быть они и натолкнули его на мысль помочь людям увидеть мир, людей, населяющих его, познать их нравы, культуру. Ведь мы все — одна семья. Святое писание сообщает нам, что прародителями нашими была одна супружеская чета — Адам и Ева. Ученые утверждают, что все мы произошли от четы кроманьонцев, которая жила на юге Африки. Какие бы предположения не выдвигались, все сходится к одному: народы Земли, произош-

ли от одной супружеской четы миллионы лет назад. А это значит, что мы — одна семья, и несмотря на различие в языках, культуре, нравах, вероисповедании, цвете кожи, должны знать друг о друге больше, если не всё, должны установить климат доверия и братства.

ВОСТОЧНАЯ ПРИТЧА

ВИсфахане, древнейшем городе Ирана, жил падишах. Город, окруженный райскими садами, в которых распевали свои песни влюбленные соловьи, изумлял своей красотой. Из его хавузов утоляли жажду многочисленные путники, ибо через город проходили караванные дороги с севера в богатейшие страны мира. Сюда заезжали купцы, останавливаясь в караван-сараях, здесь находили приют поэты и ашуги.

И жил в этом городе падишах с сердцем нежным и душой мечтательной. Ни одного купца или путешественника не оставлял он без внимания и приглашения, устраивал в их честь пиры, одаривал подарками и жадно слушал их рассказы о житье-бытье других вилайетов, чудесах и диковинах, увиденных ими.

И вот однажды иранские купцы, возвратившиеся с северной стороны, рассказали ему об удивительном городе.

— О, солнцеликий падишах,— обратился к нему один из купцов. — Город этот как лев улегся головой на вершине горы, а хвостом в морской воде. Но дело и не в этом.

— А в чем же? — воскликнул нетерпеливо падишах.

— А в том, что в нем нет дураков.

— Нет дураков? Что, одни мудрецы? — падишах расхохотался. — Как же так? Дворцы без дураков? И никого не проведешь, не обманешь? Что-то вы напутали или недоглядели...

Шли дни за днями, и однажды падишаху сообщили, что иранские купцы направляются на север и не отправить ли с ними кого-либо из дворца. Навстречу купцам вышел сам падишах в одежде дервиша:

— Не удивляйтесь, купцы уважаемые, — обратился к ним падишах, — решил я сам пойти в тот город, своими ушами услышать их жителей.

Долго ли шли, коротко ли, наконец, на рассвете пришли к городу. «Как же я здесь распознаю жителей, здесь и гостей будет много, в этом огромном городе. Ладно, уж, заговорю с первым встречным, а там видно будет».

Первым, кого встретил падишах-дервиш, войдя в ворота, был мальчик. Оседлав палку, он весело погонял своего скакуна, хлестая хворостинкой по бокам.

— Здравствуй, мальчик, подойди ко мне, — позвал его падишах-дервиш.

— Здравствуй, дядя, — ответил мальчик, остановившись перед ним.

— Я впервые в этом городе, сынок, и никого здесь не знаю. И как назло что-то горько стало во рту. Вот тебе абаси, принеси мне что-нибудь сладкое.

Мальчик пристально посмотрел на него, взял монету и весело умчался. Он пошел не в лавку уста-халвачи, не к мастерам, которые делают вкусный щербет, а направился в лавку мясника. Подав ему монету, он попросил дать ему мяса, которое ви-

село на гвозде. Приняв сверток, мальчик поскакал к падишаху-дервишу и подал ему ношу.

Даже не взглянув на то, что ему принесли, падишах-дerviш поблагодарил мальчика и обратился с новой просьбой.

— Со мной что-то приключилось, сынок. Теперь у меня во рту приторно-сладко, вот тебе абаси, купи мне что-нибудь горькое.

Мальчик чуть улыбнулся, взял монету, поскакал в лавку мясника, попросил у озадаченного хозяина того же мяса и быстро вернулся.

Падишах-дerviш раскрыл первый сверток, потом второй, и... удивленно произнес:

— Сынок, в первый раз я просил тебя купить что-нибудь сладкое, во второй раз — горькое, а ты и в том, и в другом случае принес... языки? Как же понять это?

— Ах, дядя, — сочувственно воскликнул мальчик, — самое сладкое и самое горькое и есть у вас в руках. Разве вы этого не знаете? До свидания.

И ускакал на своем деревянном скакуне.

Да-а-а, — задумался падишах, — если в этом городе даже такие мальцы — мудрецы то, что говорить о взрослых?!

Глава восьмая

О МОЕМ ГЕРОЕ

Жизнь накручивала обороты. Али уже работал в аппарате городского комитета партии, который в ту пору был настоящей кузницей кадров. Сотрудники аппарата находились в самой гуще жизни общества, занимались политическими, экономическими, общественными, социальными, конфессиональными, культурными, образовательными, бытовыми вопросами, решали сложнейшие проблемы, которые выдвигало время, организовывали и проводили различные мероприятия, одним словом, находились в самом горниле событий и дел. Ну, скажем, на заводе при распределении квартир почему-то обидели рабочую семью — разбирался горком партии. Домоуправление оставляет без внимания просьбы и жалобы жильцов — горком партии. Надо готовить трудовые коллективы к первомайским и октябрьским демонстрациям и парадам — горком партии. И это — самое несложное, что выпадало на долю партаппаратчиков. Конференции, совещания, поездки в соседние республики с ознакомительной целью, изучение работы первичных парторганизаций и обсуждение на бюро, секретариате горкома партии, и так далее, и так далее...

Уйма работы, масса проблем...

И в этом горниле работали и готовили себя к будущей самостоятельной работе трудолюбивые, волевые, инициативные молодые люди. И одним из них был Али Амирханов. Ему не так сложно было войти в ритм работы партаппарата, потому что хорошую школу прошел в горкоме, а затем в обкоме комсомола. Он с душевной теплотой вспоминает то время.

— Я пришел в партию из комсомола, — как-то рассказывал он мне. — Пять лет работал в горкоме и обкоме комсомола, вырос от инструктора до заведующего отделом. Затем меня взяли на работу в горком партии, где я работал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации. Так вот, на работу я ходил, как рабочий на завод: с радостью, с определенными творческими планами, с желанием сделать что-то нужное, полезное людям. Мы занимались не только чтением нотаций, проведением лекций и бесед, но и живым делом. Решали вопросы строительства, скажем, школ, детских учреждений, их сдачи в срок, особо контролировали качество строительства, постоянно держали в поле внимания проблемы отопления, водоснабжения жилых домов. В те годы все хозяйственные вопросы решались при непосредственном участии партии.

Так было заведено. Такая была система. Партийные работники владели всеми навыками хозяйственников.

Хочу заметить, что партийная работа учила нас общению с людьми, умению угадывать их настроение, и главное — быть всегда в движении. И хотя иные кричали и шумели на весь мир о строительстве коммунизма, мы честно трудились, исполняли свой долг перед горожанами, и, безусловно, думали, что честно работаем на благо наших людей.

Но вот пришел восемьдесят пятый год, потом началась перестройка. И в машине нашего аппарата зазвучали другие ритмы. А если проще и понятнее — партийная работа изменилась. Живая работа оскудела. Спрашивается, почему? Заводы и фабрики за-
тихли, резко сбавили темпы производства, хозяйственные вопро-
сы не с кем и не для кого было решать. Со временем уже нечем
и нечем было руководить. Вот и сидели мы в кабинетах и глядели
в окно, кто собирается на площадь на митинги, а их стали часто,
очень часто проводить, о чем говорят, к чему призывают... Осто-
чертело мне всё это.

Я видел и понимал сердцем, нутром своим, что партия уже
не та, и занимается она не тем, чем должна бы и надо бы. И 1 ав-
густа 1991 года ушел в туризм.

Итак, путь Али Амирханова на благо строительства комму-
низма закончился. Нет, в этих словах нет ни грамма юмора или
сарказма. Он честно выполнял свой долг перед партией и обще-
ством, а когда понял, что система гримасничает, а партия теряет
свои функции и свой потенциал, ушел на самостоятельную ра-
боту. Благо, был наделен хорошими организаторскими способно-
стями и умением работать с людьми.

Глава девятая

БЫЛЬ

Мамма жил в предгорном селении. С рассветом он выходил в поле и на закате дня возвращался домой. От селения далеко не уходил. Слышал, что где-то есть города, поселки, но сам побывал только в нескольких самых близких селениях. И то по необходимости: колхоз посылал на помощь соседям убрать вовремя уродившийся урожай хлеба.

Грянула война. И тридцатилетнего Мамму, не успевшего ни завести свою семью, ни построить свой дом, призвали в армию. Положив в холщовый мешок чистое белье и кусок сушеного мяса, он тепло попрощался со старыми родителями, братьями и сестрами, вместе с молодыми односельчанами взобрался в кузов полуторки, которая ждала их у околицы селения, и машина тронулась в путь, поднимая за собой шлейф пыли.

Ехали нудно, каждый думал свою думу. Какой долгий путь, удивлялся Мамма про себя, когда же мы остановимся? В конце дня, когда солнце скатилось за далекими хребтами гор и небо стало менять золотистые цвета на розовые, а те в свою очередь окрашиваться в сиреневые, а затем в серые, подъехали к железной дороге... Здесь, у вагонов-теплушек, стояла уже вереница

автомашин, и все железнодорожное полотно было запружено мобилизованными на войну парнями.

Наконец, воздух разрезал жалкий, сиплый паровозный свисток, вагоны лягнули буферами, и состав медленно поплыл, незаметно набирая скорость.

Мамма сидел в дверях вагона, смотрел на темнеющее небо и думал свою думу: как же долго мы едем... Всю ночь он не сомкнул глаз. Глядел на звезды, потом выискивал в крошечной тьме огоньки и шептал неслышно: как огромна земля...

Утром эшелон прибыл в Махачкалу-сортировочную. Здесь всех повели в баню, переодели в воинское обмундирование, накормили и — снова в эшелон. После обеда новобранцы склонились над тетрадками — каждый хотел отправить весточку домой. Мамма в первых строках своего письма просил старых родителей беречь здоровье, не думать о нем — он молод и крепок, наказывал младшим братьям и сестрам присмотреть за стариками, а потом решил излить свои чувства: «Вы знаете, какая большая наша страна? Нет, вы не знаете... Едешь, едешь — ни конца ей нет, ни края. Вап-па-пай... Аллах, наверное, был щедр к нам...»

Вечером воинский эшелон тронулся в путь.

Второе письмо старые родители получили от Маммы уже с берегов Волги.

«Уважаемые мои, — писал он, — если бы вы видели, как огромен этот мир. Почему мы не выезжали за пределы своего селения? Почему мы жили как кроты в своих норах? Сейчас я стал гордиться нашим миром...

Больше от него писем не было.

Глава десятая

О МОЕМ ГЕРОЕ

Чего-то хотелось уже нового, большего. Да, он сумел привить, как благородный, светлый и добрый душой доктор, своим землякам любовь к родному краю, к его природным красотам, к памятникам истории и древней архитектуры, к красотам необъятной России, а россиян — к Дагестану, помог им открыть для себя чуда Гуниба и Табасарана, Кубачи и Аграхана, Самурского леса и золотых песков Каспия, привить вкус национальных блюд горцев, открыть красоту национальной музыки... Он помог дагестанцам открыть для себя новый, доселе невиданный мир — ворота в Объединенные Арабские Эмираты, Китай, Таиланд, Грецию, Болгарию, Египет, Тунис и многие другие сказочные страны. И, безусловно, дагестанцы никогда не забудут этого.

Но душа была неспокойна.

Почему-то неспокойна.

Хотелось чего-то нового.

Но чего? Новых поездок? Нет, он многое уже увидел и перевидал.

Открытия новых маршрутов? Но турфирм уже было много и любознательные туристы могли выбрать любой маршрут в любой уголок планеты.

Нет... Нет... Нет...

Хотелось нового дела.

Душа требовала выхода.

Однажды он увидел сон, долгий и красочный. Пребывая несколько дней в плену у сна, более того — мучимый им, он как-то выехал за город, остановился у санатория «Дагестан», окинул взглядом болотистую местность, заросшую камышом и заваленную мусором, остановил глаз на зеленоватом море, улыбавшегося ему солнечными бликами, и вдруг услышал голос души:

— Да, здесь.

— Но у меня нет на это сил, у меня нет средств, у меня нет на это умений, — сказал он себе.

И опять услышал голос души:

— Да, здесь, захочешь, постарайся — все сумеешь...

Несколько ночей он метался в постели — голос не давал уснуть.

Но где, у кого попросить, вымолить деньги, где найти специалистов-проектировщиков, профессионалов, которые сумели бы спроектировать базу отдыха с коттеджами, рестораном и кафе, игровыми залами, пляжем, и не хуже, чем в Анталии или Эмиратах. Именно — не хуже. Не санаторий с унылыми комнатами, а люксовые апартаменты, водные велосипеды, катера, яхты на воде, дансинг... Много, многое другое, чтобы радовать отдыхающих и... удивить иных.

Стал перебирать в памяти бывших коллег, друзей, родственников. Одни были уже на пенсии и, прожив жизнь честно, не имели сбережений, иные, хоть и имели, не верили в идею и придумывали всякие небылицы о сложности и сумбурности времени.

А деньги нужны были большие. Ведь, прежде всего, надо было выкупить заболоченный, замусоренный участок береговой полосы, затем осушить и вычистить его. А потом уже приступить к строительству.

Кредит он взял в банке «Возрождение».

И вскоре закипела работа. Заурчали, затарахтели бульдозер и экскаватор, заурчали «КАМАЗы»: осушались болотистые места, выкашивались камыши, вывозилась грязь, мусор, земля, потом пришли строители, завезли цемент, кирпич, лес, песок и... пошла, заспорила работа.

Сегодня глаз не радуется, глядя на гостиничный комплекс «Джами».

У самого моря — а оно бывает то синее, то зеленое, то голубое (в зависимости от погодных условий либо настроения) — так вот у самого моря, у чистого золотистого берега, где песчинки одна к одной, за тенистыми деревьями и газонами, утопающими в цветах, расположились красивые двух и трехэтажные корпуса — коттеджи с уютными номерами, изысканной мебелью.

Приезжающие сюда забывают дорогу за рубеж. Этот райский уголок каспийского берега стал излюбленным местом отдыха для жителей Тюмени, Сургута, Норильска, Урала, средней полосы России, Грозного... а не только дагестанцев.

Сколько нервов и трудов стоило Али осуществить задуманное и сделать его настоящей сказкой, сколько средств — только ему ведомо. Главное — а это прекрасный итог непосильного труда — сказка живет и радуется.

Глава одиннадцатая

ПРИТЧА

В далеком вилайете, который славился на всем Востоке мирной жизнью и зажиточностью подданных, царствовал падишах Ануширван. Мудрый, строгий и властолюбивый, честный и добропорядочный, он окружил себя большими умами вилайета — астрономами, математиками, богословами, поэтами, зодчими. Город Хамадан, столица его вилайета, разрастался, украшался куполами мечетей и минаретами, сверкавшими золотом и изразцами, по жарким улицам бегали чисто одетые дети и всюду чувствовалась умиротворенность и сытость.

Только падишах Ануширван занедужил, занемог. Не то, чтобы он лежал в постели бледный и охал и ахал. Нет.

Вот уже несколько месяцев он не мог смеяться.

Обычно во дворце постоянно раздавался громкий смех. И все знали — это смеется Ануширван, а это значило, что всё в вилайете протекает хорошо. Знали и в мечетях, и в торговых рядах шумных и богатых базаров, и в домах.

И вдруг — смех будто исчез. Будто не было его.

И сколько уже месяцев...

Какой Азраил унес его?..

Собрались как-то сановники на совет и вынесли такое ре-

шение: награда — мешок золота — тому, кто вернет, вернее, рас- смешит падишаха.

И пошли глашатаи по улицам Хамадана и его окрестностям, оповещать народ о решении совета.

И выстроились отчаянные у ворот дворца, пожелавшие рас- смешить падишаха.

Но... смеха не было.

Однажды у крепких ворот остановился изнуренный авдал¹. На нем лохмотьями висела оборванная грязная одежда. На его стук над воротами показалась голова стражника.

— Эй, авдал, ты что позволяешь себе стучаться как в свой дом? Пошел отсюда, оборванец.

— Я дервиш, и слышал, что вы хотите рассмешить своего падишаха. Вот я и пришел...

— Ха, ха, ха, оборванец желает вернуть падишаху смех... Ха, ха, ха.

— А еще вы кичитесь своей терпимостью, милосердием, свободой, демократией... Да я сейчас уйду и ослаблю вас на весь Восток.

Стражники, посоветовавшись и дабы не навлечь на себя гнев чинов Совета, открыли тяжелые двери.

Странника помыли, одели в приличную одежду, и повели к падишаху. Он опустился на колени перед Ануширваном, кото- рый сидел на троне, устремив взгляд в пустоту: казалось, это был не человек, а огромная-преогромная кукла. По правую руку — визирь, по левую — векиль.

— О великий государь великого царства, — протяжно загово-

---

¹ авдал — неряшливый, неухоженный

рил дервиш, — скажи, признайся, твоё признание не выйдет за стены твоего дворца, доверься мне, твой папа был богатым человеком?

Ануширван уперся глазами в глаза дервиша.

— Мой папа тоже был небогатым человеком. Очень бедным.

В горле падишаха что-то забулькало, заклокотало.

— Скажи, мой повелитель, а твой папа умел играть на зурне?

В глазах Ануширвана вспыхнул гнев.

— Признаюсь тебе, мой тоже не умел играть на зурне.

Наступила мертвая тишина. И вдруг ее взорвал громоподобный смех. Визир и векил свалились от неожиданности с мест.

Падишах не переставал смеяться.

Глава двенадцатая

О МОЕМ ГЕРОЕ

Деловому человеку, как и творческому, всю жизнь нейдет: постоянно хочется чего-то нового, интересного, большего. Так уж они устроены: душа жаждет работы.

Так было и у Али и на комсомольской работе, и на партийной... Не мог усидеть долго за столом: постоянно придумывал новые мероприятия, подавал новые идеи и помогал внедрять их в жизнь.

Казалось бы, все уже, осуществили задуманное, и отзывы положительные, даже отличные, а он опять в поиске...

Успешно работает туристическая компания «Джами», поездки дагестанцев в страны мира не прекращаются, а книга отзывов заполняется теплыми благодарными письмами в адрес коллектива; далеко за пределами Дагестана хвалят — не на хвалятся базой отдыха — райским уголком на Каспии и продолжают прибывать сюда на отдых всё больше и больше трудящихся с Дальнего Севера, Урала, Сибири, а руководителю компании снова нейдет.

Он серьёзен.

Он замкнулся в себе.

Он о чем-то и над чем-то думает.

Он что-то соображает.

В первое субботнее утро августа я возвращался с моря: оно было удивительно чисто и спокойно и я прекрасно провел пару часов на городском пляже. На перекрестке улиц Р. Гамзатова и М. Дахадаева просигналила иномарка. Я не обратил внимания и продолжал свой путь. Сигнал повторился. Я продолжал идти. Машина остановилась, из нее вышел статный молодой мужчина, подбежал ко мне и взял за локоть:

— Ну и нервы у вас. Али просит в машину.

— Сколько можно тебе звонить? И куда звонить? Дома тебя нет, сотовый — не работает. Друг называется... Год я тебя не вижу и не слышу... Какой же ты друг?..

— Такой, какой и ты, прекрасно знаешь, где работаю...

Загид, брат Али (тот, кто втащил меня в машину), прервал наши обоюдные обвинения.

— Да прекратите препираться. Поехали.

— Это что, похищение? И куда вы меня увозите?

— На базу отдыха, — коротко бросил он.

— Да я только что с моря, черт вас побери. Мне отдохнуть надо.

— Там и отдохнем. Заварим тебе твой любимый черный чай.

Иномарка вырвалась, наконец, из плотных рядов машин и помчалась по автобану. Некогда заброшенные земли, а вернее пустырь разросся вширь и ввысь новыми микрорайонами.

Обещанное мои «похитители» исполнили: въехав на территорию гостиницы «Джами», мы направились к открытому кафе, уютно расположились в тени за столиком и вскоре пили ароматный чай из тонких стаканчиков-армуди.

Я чувствовал, что Али хочется мне что-то сообщить: ему не терпелось. Чувствовал подсознательно. Наконец, он поднялся из-за стола и предложил пройтись по территории.

Море было спокойно и играло бликами солнечных лучей. Мелкий золотистый песок пляжа чист и свеж, несмотря на жаркий день — словно вымыт и вылизан некой машиной. В беседках, покрытых пальмовыми листьями, камышом и черт знает каким еще природными материалами, расположились женщины с детьми. Чуть дальше в тени, под кронами развесистых деревьев, сидела молодежь. И вокруг, куда ни кинешь взгляд, яркие диковинные цветы в газонах.

Картина рукотворной рощи и цветников на бывшей болотистой, захлавленной и брошенной местности, меня поразила. Вряд ли отдыхающие, да и сами дагестанцы нового поколения знают, а точнее представляют, что здесь было.

А я знаю. Я видел. Я в юные годы с друзьями проводил здесь почти все летние месяцы.

А еще я часто видел, как по бархатным пескам, которые уже «захватывали» автотрассу Махачкала-Каспийск, ходил пожилой мужчина. Как потом выяснил, это был кандидат наук Гаджиев (имя, к сожалению, запамятовал). Оказывается, он долгое время изучал, можно ли на песках вырастить лес. Над ним посмеивались, о нем судачили, но он доказал, что можно. Мое поколение помнит, как на песках выросла тополиная роща.

В те же годы были высажены тополя на городском пляже. Сегодня никто уже не догадывается, что высокие стройные деревья, выстроившиеся вдоль дорожки и бросающие прохладную тень — это детища ума и энергии ученого Гаджиева.

Али оказался достойным его учеником.

Насладившись зеленым чудом, мы шагнули за забор, вернее, хозяин попросил меня следовать за ним.

Перед нами лежала немалая территория, или участок, назовите как хотите, не меньше той, которую занимала «Джами»

Я вопросительно глянул на Али.

— Хочу расшириться. Построить люксовые коттеджи. Трехэтажные. Вон один достраивается. Ты в нем не был. Сейчас посмотришь.

— Слушай, Али, не мешало бы на новом участке бассейн построить.

— Зачем? До моря тридцать метров, — удивился он.

— С подогревом. Зимой не каждый ползет в воду.

— Подумаю.

— Или фруктовые деревья посадить.

— Зелени достаточно.

— Несколько вишневых деревьев, черешневых, абрикосовых, яблоневых, айвовых. Знаешь, какая будет красота, когда они зацветут... Белая, розовая, желтая кинешь... Вдоль забора...

— Подумаю...

— И запустить золотых рыбок, и, вообще, декоративных рыбок. Все городские детишки будут твои.

— Подумаю...

— И вообще можно выделить место и открыть уголок зверинца. Завести птиц — попугаев, скворцов, летучих мышей, зверушек — ежей, лисичек, тигренка, пони...

И опять в ответ:

— Подумаю...

— Слушай, а вдоль забора, а он тянется на сотни метров посадить саженцы винограда, ну, таких сортов, как изабелла, нарма, агадаи, дамские пальчик, алигате, и здесь давить свое вино, настоящее, домашнее вино.

— Ну, и романтик, спасибо за советы...

Знаю, что в душе смеется, конечно, не зло, а простодушно, до этих ли бассейнов и зверинцев ему, когда работы не впроворот, как говорится, дай-то бог новую задумку осуществить — сколько на это средств и времени потребуется. Да я и сам это понимаю и представляю. Но хочется... Хочется еще и что-то новое, забавное, оригинальное.

А может, прислушается к совету?

Мы поднялись в новый трехэтажный корпус. Конечно, это был коттедж высшего класса. Номера, как говорится, не VIP класса, а выше. Гостиная — 30 квадратных метров. Спальня — 35 квадратных метров. Ванная комната — 10 квадратных метров. Бильярдная. Сауна. Бассейн. Просторные холлы. И вокруг — мрамор, дорогое дерево.

— Такие корпуса думаю построить на новом участке.

— Осилишь?

— Потихоньку-помаленьку. Работать хочется. Творить хочется. Что-то доброе, красивое оставить на земле. Иначе... Ну, иначе для чего мы живем?

Глава тринадцатая

ПРИТЧА

Упадишаха богатого и славного вилайета заболела единственная дочь — наследница неслыханного богатства и царского престола, радость его жизни.

Тому, кто вылечит дочь падишаха, обещано целое состояние — хурджин золота — разнесли по всем уголкам вилайета глашатаи. Заполучить неслыханное богатство пожелало неслыханно много лекарей, но излечить девушку никто не мог — среди них не оказалось знатоков человеческих недугов.

И еще больше затужил падишах. Но бывает же в жизни так, что среди миллионов простолюдинов один оказывается гением, что на мусорной свалке вдруг вырастает роза... И случилось, что нашелся лекарь, который взялся вылечить дочь падишаха.

— Великий падишах, — обратился к нему лекарь, — позвольте обратиться к вам с одной просьбой.

— Обращаясь, сын мой, — с улыбкой ответил падишах. — Я готов выполнить любую твою просьбу.

— Могли бы вы изменить условия нашего договора? — молвил лекарь.

— Все, что угодно. Но что ты хочешь?

— Вот мой носовой платок с небольшим узелком. Я прошу

выдать мне столько золота, сколько он весит.

— Ты шутишь, сын мой? — удивился падишах. Твоя просьба — одна — две монеты. А я даю тебе в тысячу раз больше.

— Не шучу, падишах, — отвечает лекарь. — Так вы согласны исполнить мою просьбу?

— Станный ты человек, — озадачился шах. — Что ж, будь по твоему. Казначей, исполни его просьбу.

Принесли весы. Положили на одну чашу платочек с узелком, на другую — одну, затем две, три, десять, сто золотых — но платок все перевешивал.

Удивился шах, засуетилась свита, позеленел казначей.

На весы были положены все монеты казны, в ход пошли золотые слитки, потом все драгоценные изделия... а платочек всё перетягивал.

— Да не колдун ли ты, лекарь, — не выдержал падишах. — Что же такое в этом платочке?

Но заметив невинный взгляд лекаря, приказал: — Неси, казначей, все, что есть во дворце. Я дал слово и должен сдержать его.

И когда все богатства были положены на чашу, а та не могла перевесить платок, и, когда слышался уже ропот негодования и возмущения и свита готова была арестовать «нахала», тот взял платочек, развязал узелок и все, увидев его содержимое, ахнули.

В платке был глаз.

Ненасытный человеческий глаз.

Глава четырнадцатая

О МОЕМ ГЕРОЕ

Интересной — плодотворной, созидательной жизнью живет Али Чаранданович. Многие обыватели могут подумать, да и думают наверняка, что его жилищу — дворцу нет или почти нет равных в Махачкале. И жестоко ошибутся. Живет он в небольшом двухэтажном доме из пиленного дербенстного камня, построенном несколько десятков лет назад на неприметной улочке. Не имеет ни степеней никаких, ни званий. Когда я задел эту тему в одной из наших дружеских бесед, он улыбнулся:

— Я мог, мог купить и кандидатскую степень, и докторскую, и повыше... А к чему мне это? Они что, будут мне камыши косить или высушивать заболоченную землю? Или стены возводить?

Цельность натуры характеризует сегодня, наверное, одного из тысячи, если не из десятка тысяч. Идеологией человека, более того государства, стала давно уже не любовь к добру и Отечеству, а любовь к деньгам. Накопительство, стяжательство, стремление к сиюминутной прибыли затмевают разум.

Али Чаранданович — человек минувшей, советской эпохи, воспитанный на моральном кодексе строителя коммунизма, исходными данными для которого, а мало кто об этом знает или мог подумать, служили десять библейских заповедей (при вдумчивом

их чтении любой человек это поймет — много ума не требуется).

Много было лозунгов патриотических. Много было песен, восхвалявших страну, призывавших любить ее. Старшее наше поколение помнит такие строки:

*Прежде думай о Родине,
А потом о себе...*

Сегодня над такими словами многие посмеиваются, а иные и издеваются. А в ту пору на них воспитывались. Не потому ли Али Чаранданович, основав турфирму, сумел дать работу в глупые перестроечные и лихие 90-е годы десяткам людей (вот вам один из пунктов кодекса строителя коммунизма — «человек человеку брат», а если из библейских заветов — «возлюби ближнего своего как самого себя»).

Ничего не поделаешь. Времена такие.

Как пишет поэт Коржавин: «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

А я сложил стихотворение, в котором следующие строки:

*Пришли другие времена,
Пришли иные племена...*

Старшее поколение, воспитанное на нравственных категориях человечности и человеколюбия, милосердия и терпимости, продолжает созидать добро.

Есть ли у Али Чарандановича продолжатель его идеи? Есть ли кому передать свое детище — свое дело? Кто способен не растерять его, а сохранить, продолжить, расширить... Да, есть. Дочь Джамиля. Она правая рука его и опора. Она зачинатель многих его идей.

И это доставляет его душе великую радость.

Не богатством руководствуется отец и дочь, а романтикой дела, доставляющего душе удовольствие, а людям радость.

Глава пятнадцатая

ПРИТЧА

Водном селе жил старик — дровосек. Жил бедно. Каждый день, перепоясавшись веревкой, ходил в лес, собирал вязанку хвороста и продавал на базаре. Тем и кормился.

Однажды он нёс на спине вязанку хвороста, когда услышал за спиной шорох, а потом и треск веток. Подняв голову, он обомлел: ему навстречу шел огромный медведь.

— Как дела, дровосек? — спросил медведь мягко и осторожно, чтобы успокоить старика.

— Да что тебе сказать, — проговорил дровосек. — Дряхлею, силы покидают меня, глаза уже плохо видят, ноги не держат. Вот собираю хворост и продаю, этим и живу.

— Не бойся меня, старик, давно за тобой слежу, вижу, не сладко тебе живется. Хочу помочь тебе. Пригони завтра несколько ослов, я нагружу их дровами.

— Эх, брат, у меня и одного нет. Где я их возьму?..

— Неужели у тебя соседей нет, с кем ты в лучшие годы делился хлебом-солью? По родственникам пойди.

На следующий день старик пригнал в лес десять ослов. Медведь повалил деревья, нарубил дров, навязал вязанок, навьючил на ослов и погнал в село.

Так шли день за днем.

Старик разбогател. В лес ходил уже не с чужими ослами, а со своими. Сам преобразился: заметно пополнил, в глазах появился блеск, уверенность.

Как-то нагрузив своих ослов, дровосек обратился к медведю:

— Брат мой, давно мы знаем друг друга, приходи завтра ко мне в гости.

— А можно? — спросил медведь.

— Даже нужно, я буду очень рад.

— Ладно, завтра нагрузим ослов и пойдем вместе.

На следующий день, за богато заставленным столом, насытившись, как бы между прочим медведь спросил:

— Помнишь, ты в первый день встречи меня сильно испугался, но, как видишь, мы, звери, в дружбе постоянны. Так ли?

— О, да, — ответил дровосек. — Твои добрые дела меня к жизни вернули. Я очень благодарен тебе.

— Я хочу задать тебе один довольно деликатный вопрос, — сказал медведь.

— Пожалуйста, я весь — внимание.

— Скажи правду. Только правду: дружба со мной тебя ничем не смущает? — тихо и загадочно просил медведь.

— Что ты, друг, я очень доволен дружбой с тобой, но... если сказать честно — малость лицо у тебя некрасивое, такое, понимаешь, гадливое.

Огорчил медведя ответ дровосека.

Расправил он шерсть на груди и говорит:

— Принеси топор.

И когда дровосек подошел с топором, медведь велел:

— А теперь изо всех сил ударь сюда.

И подставил свою грудь.

— Нет, друг, я не сделаю этого, — запротестовал дровосек. —

Как ты можешь такое от меня требовать.

— Если ты не сделаешь то, что я от тебя прошу, я раздавлю тебя и брошу шакалам на съедение.

Испугался дровосек, сжалось его сердце, поднял топор и ударил медведя в грудь. Медведь взревел от боли, поднялся и, облизывая кровоточащую рану, ушел в лес.

Прошли годы. Заметно ослабел дровосек. Снова появилась дрожь в ногах. Собирал он хворост и этим зарабатывал на жизнь.

И однажды встретил вдруг в лесу медведя.

— Как дела, дровосек, здоров ли? — спросил он.

— Как будто здоров.

— Глаза не подводят?

— Как будто нет.

— Ну, в таком случае подойди и посмотри на мою грудь, не бойся, я тебя не трону.

Дровосек подошел совсем близко к медведю.

— Никакого следа нет.

— Внимательно смотри.

— Нету, нету никакого следа.

— Так знай: рана от твоего топора зажила, и следа не осталось, а рана от обидных слов твоих в моем сердце кровоточит по сей день. Никогда не прошу я тебе того, что ты сделал.

Глава шестнадцатая

О МОЕМ ГЕРОЕ

Какой он? В семье, в быту, в деле? А точнее, какой он в качестве отца, супруга, руководителя маленького, но славящегося известностью и пользующегося уважением предприятия, партнера многочисленных туристических фирм? Кто честно, откровенно, без прикрас расскажет о достоинствах и недостатках человека, прожившего большую жизнь среди людей, среди друзей и недоброжелателей?

Конечно, они, самые близкие, родные, знавшие его много лет и в разных ситуациях.

И он сам. Если позволит душе раскрыться, распахнуть свои дверца (образно выражаясь).

Итак, вернемся к исходному: какой он отец, то есть в качестве отца? Внимательный, любящий, строгий, но не позволяющий себе грубость, назидательность, не приемлющий выражать недовольство, особенно ворчание и бурчание. Его кредо — школой воспитания детей должна стать честная трудовая жизнь родителей. Только тогда дети познают такие нравственные категории, как добродетель, человеколюбие, гуманность.

Дочь свою он приобщил к своей романтической профессии с юных лет: перед ней открылся весь мир — отец брал ее

с собой, выезжая на деловые встречи с партнерами — руководителями крупных зарубежных турфирм, на отдых вместе с супругой, и она не только восхищалась и восторгалась красотами невиданных доселе стран (если только не по кино и книгам), но и познавала и изучала их историю, памятники старины, нравы и быт, искусство и литературу народов, населяющих их. И в ней, в душе ее все больше и больше укреплялось желание приобщить дагестанцев к высокой культуре, привив им любовь к туризму.

Сегодня Джамиля — генеральный директор турфирмы «Джами», первая и верная помощница отца. Наследница!

Для супруги Заремы он тактичный, всё и всегда понимающий мужчина. И главное — верный и любящий. Каждый год они отдыхают в зарубежных странах и каждый год возвращаются восхищенные поездкой. А что значит восхищенные? Это значит, что отдых не омрачался недопониманием друг друга, ссорами из-за мелочей, ну и тому подобное: ведь за долгие годы совместной жизни чего только не может быть между мужем и женой. Сегодня она его прекрасный помощник, дизайнер. И в радости, и в тяжелые минуты она всегда рядом с ним.

Кстати, никогда супруга не спрашивала, куда, на что и сколько он расходует средств. Он работает, занят любимым делом, фирма держится на крепких ногах, дом свой есть, машина для работы, на питание, одежду, отдых хватает. Что еще надо...

Для сотрудников фирмы он благодетель и отец родной. В конце перестроечных годов и особенно в лихие девяностые, когда массы людей впали в крайнюю бедность и даже нищету (не забыты еще страшные картины, как люди рылись в мусорных

баках, что в Дагестане было неслыханное явление), безработица и неясность жизненных перспектив стали страшным бичом времени, Али Чаранданович помог многим с работой, нашел применение их рукам, уму, способностям. Сегодня они уже «оперились», у каждого свое маленькое дело или бизнес, как выражаются, ныне. А те, кто с ним, служат ему верой и правдой, стали настоящими профессионалами. Работа им по душе. А быть рядом с умным, деловым, добрым руководителем — это благо.

Кто он для руководителей туристических агентств республики? Честный, добросовестный партнер? Отличный менеджер? Учитель? Наставник?

Али Чаранданович был одним из первых создателей турагентства. К нему приходили и приезжали за советом, за помощью, ему подражали, с него брали пример. С каждым месяцем стало разрастаться число турфирм: открывались они в Буйнакске, Кизляре, Хасавюрте, Дербенте, Каспийске... И туристы стали «растекаться» по десяткам фирм (или бюро, или агентств, называйте как хотите, ибо от названия суть не меняется), а «Джами» стала терять их. Такова жизнь: хороший пример заразителен. Теперь встал вопрос конкуренции: умный, уважающий себя турист пойдет в то агентство, где его тепло встретят, уважат, предоставят всё, что ему требуется, самые что ни на есть высокие услуги. «Джами» за двадцать лет своей деятельности сумела в этом плане завоевать авторитет. И у неё по сей день есть свои постоянные клиенты.

Есть ли у Али Чарандановича завистники, неприятели? Ему все улыбаются, ему льстят, на него смотрят открытыми, ясными глазами. Кто из них пакостит, наговаривает за спиной, завидует

чёрной завистью? Он, конечно, знает. Но не подает и вида.

Над всеми нами властвует закон природы — закон бумеранга. Закон обратной связи: что ты делаешь, то тебе возвращается. Не случайно во всех священных книгах содержатся такие слова: «Не желай никому того, чего не желаешь себе». Между прочим, Конфуций, который жил в пятом веке до нашей эры, завещал нам такие слова: «Что делаешь себе, то делай другому».

О времена, о нравы!..

Глава семнадцатая

БЫЛЬ

Пётр Александрович глянул в иллюминатор. Далеко внизу синее зеркало моря искрилось и улыбалось, отражая солнечный свет. Еще несколько минут — и самолет помчался по бетонной полосе.

Взяв в левую руку небольшой саквояж, а правой закинув за плечо туго набитый рюкзак, он вышел из здания аэровокзала и тут же услышал за спиной:

— Такси не нужно?

— Нужно, — обрадовано отозвался он.

— Куда поедем?

— В Цумилюх.

— Куда, куда, — удивлённо протянул таксист.

Это был мужчина средних лет, но уже седеющий:

— Что-то не слышал я такого названия.

— Это в Тляратинском районе.

— Ну ты даешь. Это сколько же будет стоить тебе, земляк?

— Не обижу. Так где твоя машина?

— Во-о-н стоит под топодем черный джип.

В Цумилюх они приехали, когда солнце прошло половину своего пути. Таксист отказался пообедать с ним и уехал обратно.

Пётр Александрович поднял свою ношу и стал медленно подниматься по узкой дороге на гору: родительский дом стоял выше всех аульских домов, на самой верхотуре.

Он еще не успел подойти к калитке, когда тишину разорвал женский крик:

— Паридалав приехал!

Двор встретил его тишиной, но по деревянной лестнице со второго этажа уже спускалась мать, держась за перила. Он сбросил на землю саквояж и рюкзак, подбежал к ней и нежно обнял. Кто-то прыгнул ему на спину: Мухтар, догадался он, самый младший, подросток. Несколько минут они так и стояли молча.

Он поднял глаза: на веранде стоял отец.

Наконец, мать обрела речь:

— Мухтар, беги за черным барашком...

— Никакого барашка, никакого мяса. Мухтар, зови друзей, и идите на речку, хоть пару форелей поймайте. Давно хочу наших форелей, а ты, мать, испеки наших лепёшек, маленьких, помнишь, какие пекла нам...

— Я и сейчас их пеку. Испеку, сынок, испеку. Ахвердила, а ты что не спускаешься, стесняешься сына, что ли?

Отец был уже внизу, большой, грузный, белый, как снег, и с улыбкой глядел на сына.

Они молча обнялись.

Наконец Паридалав глубоко вдохнул чистый горный воздух, запах соснового леса, хрустальной воды и душистой травы, вдохнул ещё раз, и почувствовал, как закружилась голова.

— Что тебя укачало? — усмехнулся отец.

— Наш аромат. В Петербурге дышишь или выхлопами от ма-

шин или сыростью. А здесь, — он снова вдохнул, — будто пьёшь чистую студеную воду.

— Зато ты там человек. Всеми уважаемый.

— Человек везде должен быть человеком, и уважаемым. Ты что, подначиваешь меня?

Ахвердилав усмехнулся.

— Отец, пойдем посидим на нашем милом месте.

Они поднялись метров пятьдесят и сели на широкую доску, зажатую между двумя валунами.

— Расскажи, сынок, как живешь в большом городе?

— Как живу? Режу, выбрасываю ненужные больные ткани, зашиваю... спасаю людей.

— А бывает...

— Да, бывает, что и умирают. Но что делать?

Они прислонились плечами друг к другу.

Двое крепких мужчин.

— Что привело? — шёпотом спросил отец.

— Земля позвала. Горы. Дом. Скажи, кизяк есть еще у кого в ауле?

— Найдем. А зачем он тебе? У нас газ...

— Дым от него хочу понюхать. Запах. Забыл уже.

— Найдем. Слушай, сынок, а там место для меня будет?

— Где там? В Питере?

Ахвердилав захихикал.

— Там. Наверх смотри.

Небо было уже в звездах. Они висели совсем низко над головой.

— Нам там место ни к чему. Красиво, конечно. Но место

наше на земле. Вот на этой, где мы сидим с тобой.

Паридалав замолчал. Было тихо.

Откуда-то сверху текла прохлада.

Вечер вступал в свои права.

— Я слышал, ты задумал дом продать? — прервал молчание Паридалав.

— Мухтар через несколько лет поедет в город учиться. Может, в Петербург заберешь? А для чего нам с твоей матерью такой дом? Да и много ли нам осталось?

— Родительский дом продать? Что ты говоришь, отец? Тут жили мой прадед, мой дед, мой отец. Сюда вернусь и я. Придет время — и Мухтар. Ты ли это говоришь? Из родительского дома уходят, чтобы повидать мир и человеком стать. А потом возвращаются, дабы не осквернить свой род беспамятством...

— Вырастил щенка волкодав, — усмехнулся Ахвердилав, плотнее прислонившись к плечу сына.

— Хорош пятидесятилетний щенок, — засмеялся Паридалав.

— Дети здоровы? Жена?

— Дома все расскажу. Давай молча полюбуемся звездами.

Была уже ночь. Безлунная. Темное небо было расцвечено яркими, искристыми, как бриллианты, звездами.

Глава восемнадцатая

О МОЕМ ГЕРОЕ

Он сидел на гладком, прогретом июльским солнцем, валуне, опустив в воду голые ступни ног. Вода в речке была чиста как хрусталь, и холодна как лёд, сверкавший на гребнях недалеких вершин, окаймлявших долину.

Изанинка — речушка, бравшая начало там, в неудобных скалах, беззаботно напевая только ей понятные песенки, сбегала, перекатывалась по камням, извивалась по земле змейкой и сбегала вниз, исчезнув за крайним поворотом.

Изанинка... Как он любил эту ничем не выдающуюся речушку. Еще пацаненком, договорившись с соседскими сорванцами, они сбегали из дому, делали в широкой её части запруды и плескались, крича и визжа. А потом, согревшись от жаркого солнца, бежали к горе, зазывающей их своими тайнами, и бродили по его пещерам, выискивая и находя всё новые входы, лазы, ходы...

Изанинка... Он болел этой речушкой почти год, и каждый год летом навещал её. Он тосковал, долго не видя её. И оживал, молол, опуская в ее ледяные воды ноги и обмываясь, оголившись по пояс.

Вот и сейчас он сидел, опустив ноги в холодные струи и греясь под горным солнцем.

Около пятидесяти лет назад он впервые покинул Изанинку...

А она его не забывала. И не забыла. И вот что-то шепчет, что-то говорит на своём журчащем языке.

А сколько пацанов уходило от нее.

Птенчик первый свой полёт делает из гнезда, чтобы открыть свой мир.

Щенок, окрепнув, выползает из конуры, чтобы обнюхать двор и стать его стражем.

Всякое живое существо ищет свою тропу, ведущую в иной мир — большой, неведомый доселе, интересный, любопытный...

Всякая речушка, бойкая, своенравная, бежит к большому морю.

Он, уйдя от Изанинки, ушел в большой мир. К мудрым, добрым людям. Много было их в комсомоле. И многому научили его. Чему именно? Самостоятельности. Инициативности. Дисциплинированности. Терпимости и терпеливости. И самое главное — любви к человеку. С этими качествами он пришел в горком партии, и здесь выработал в себе неприязнь ко лжи, лизоблюдству, угодничеству, чинопоклонению, необязательности...

Двадцать два года прошло, как ушла в небытие (а ушла ли в небытие?) та советская эпоха, кажется, и срок-то невелик, а как всё резко изменилось. Может, люди изменились?

Он часто, в минуты уединения, вспоминает руководителей республики, пользовавшихся огромным уважением и авторитетом у народа, буквально у всех слоёв населения. Магомед-Салам Ильясович Умаханов — мужественный воин, отличившийся пол-

ководческим талантом в боях на Зееловских высотах, что на подступах к Берлину, прекрасно руководивший, владевший обстановкой и в народном хозяйстве, и в политике, и в идеологии. Магомедали Магомедович Магомедов – корифей российской и дагестанской политики. Он со всеми был прост и ко всем внимателен: и к земледельцам, и к работникам культуры и науки, и к чабанам. Он часто выезжал в высокогорные аулы, посещал городские колхозные рынки, не позволяя разгуляться спекулянтам, принимал участие во всех торжествах, праздниках...

Внимательны, уважительны были к людям Шахбас Азизович Исмаилов, Шихсаид Исаевич Шихсаидов, Василий Федорович Кумейко, Лев Михайлович Чубриков, а Шахрудин Магомедович Шамхалов, уважаемый и любимый молодёжью, особенно спортивной. Ребята видели в нем своего старшего друга, наставника, отца.

И к любому из них человек со своей проблемой, болью, просьбой мог обратиться, имея при себе гражданский паспорт.

В вестибюле у входа сидел один милиционер: он просматривал паспорт и направлял посетителя на нужный тому этаж, к нужному человеку.

Ни автоматчиков.

Ни охраны.

Ни телохранителей.

Ни кортежа машин — на работу и обратно домой.

По вечерам, особенно в праздничные дни, они прогуливались с семьями по бульвару, что тянулся от площади до моста по улице Ленина, посещали концерты известных в Союзе эстрадных коллективов — «Опера», «Гайя» Олега Лундстрема, Эдди

Рознера, Мстислава Растроповича, Святослава Рериха, Муслима Магомаева — да можно ли всех перечислить — их было в ту пору очень много. И сидели они в первых рядах.

Эти люди, умевшие работать и умевшие понять человека и помочь ему, являли собой пример.

И он жил по чести и совести. И если его сегодня кто-нибудь и спросит с ехидцей, как он прошел свой жизненный путь, он спокойно ответит словами сценариста и кинорежиссера Александра Адабашьяна: «Я не ел из чужой тарелки, никому не лизал руки и зад, никому не угодничал».

Журчит Изанинка, что-то спрашивает у него на сказочном языке. Может, хочет узнать, что дали ему поездки в страны мира? Ему. Дочке. Жене. Туристам.

Я могу сказать: расширили, обогатили мировоззрение. Наглядно показали, как живут люди, как надо жить. Чем мы кичимся и что должны изменить, искоренить в себе. Почему наши слова — пышные, многообещающие, разнятся с делами. Почему неумённое богатство новоявленных буржуа стало мерилом жизни, существования.

Изанинка... Изанинка... Если бы ты только знала, какие думы, мысли беспокоят, мучают того, кто глядит на твой веселый бег и остужает свои ноги в твоём бесстрашном потоке.

Как-то наш разговор коснулся развития туризма. И в частности в республике. Беседа наша проходила спокойно, но я чувствовал, что он разгорается. И, наконец, его взорвало:

— О развитии какого туризма можно говорить, если побережье Каспия всё застроено особняками. Разговоры продолжаются много. А что сделано?

Многие зарубежные живут на туризме. Тридцать, сорок, пятьдесят процентов бюджета составляют доходы от туризма.

У нас... и сказать-то стыдно.

Имея изумительные природные богатства, как прибрежная полоса, Самурский лес, Аграханский залив, природные и историко-архитектурные памятники Табасарана, Дербента, Гунниба, Терменлика, самобытное искусство прикладников Кубачи, Балхара, Унцукуля, Гочатля... Мы теряем огромные финансовые ресурсы.

Я вспоминаю, как несколько лет назад он выступил в республиканской газете с инициативой создать на окраине Махачкалы музей под открытым небом.

А идея пришла, можно сказать, извне, из-за кордона.

В молодые годы, совершая круиз по Балтийскому морю и знакомясь со столицами скандинавских стран, он посетил музеи под открытым небом в Копенгагене, Стокгольме, в Дубае, где сумели воссоздать старые поселения с домами, утварью и т.д. и т.п. Взвесив все «за» и «против», он пришёл к мысли, что и мы можем создать подобный музей, не хуже, а может и лучше.

Предложение его заключалось в следующем. Каждый район, а у нас их тридцать девять, на развилке трассы, в районе санатория «Талги» (а место там ужасно живописное) строит свою самобытную (историческую) саклю, подворье, заводит домашний скот, птицу, другую живность, готовят свои национальные блюда, прикладники изготавливают свои поделки, соответственно, продают их, ну и тому подобное.

А чуть поодаль построить современную гостиницу-люкс со всеми удобствами: рестораном, кафе, конференц-залом, би-

льярдным залом, медкабинетами. И туристы, предпочитающие комфорт, могут жить в гостинице и знакомиться с аулами Дагестана. А те, кто предпочитает изучить историю и быт народов, могут жить в саклях, в таковых условиях, каковыми они были в старину, а обслуживать их, кормить будут хозяева подворьев. И они все разные — аварские, даргинские, лакские, табасаранские, кумыкские, рутульские, цахурские и так далее, и так далее.

Недалеко от музея под открытым небом — известный по всей стране санаторий со своими прославленными сероводородными водами.

И недалеко — море с песчаным пляжем.

Думаете, кто-нибудь откликнулся?

Он сидит на гладком камне и смотрит на бегущий ручеек. Бежит хрустальной чистоты и ледяной свежести Изанинка, перекачивая с камня на камень свои воды, бежит вертляво и скрывается от глаз за поворотом, за огромным хмурым валуном.

Бежать ей и пятьсот лет.

Бежать ей и пять тысяч лет.

Бежать ей и пятьдесят тысяч лет.

Бежать ей и пятьсот тысяч лет.

Пока будут стоять под солнцем исполинские горы, и сверкать на их хребтах, плечах и головах искрящиеся льды.

Бежать Изанинке вниз, к большому Каспию, чтобы напоить его своей чистотой и свежестью.

И уходят пацаны вниз, в город, чтобы стать большими людьми.

Но где бы, в каком бы краю они не жили, на кого бы не учились, кем бы не стали, в какие бы одежды не облачались,

в какой-то, а вернее — в назначенный судьбою год, день и час обязательно придут к своей хрустально чистой Изанинке, сядут на пригретый горным солнцем камень, опустят голые ноги в приятные, освежающие, ледящие струи, глянув в чистое дно и беззвучно скажут:

— Здравствуй, речушка.

И спросят сами себя:

— Как я жил в эти годы? Что я оставлю после себя?

Глава девятнадцатая

ЭССЕ АВТОРА

ВЫ видели сад в кипени?
Белой. Розовой. Желтой.

Когда сказочные кружева застилают собой всё: и листья, и ветви, и стволы и в воздухе, словно, парит легкое кружевное покрывало, испускающее терпкий опьяняющий запах.

А потом белые, розовые, желтые цветочки, утомившись удивлять и радовать нас, отрываются от веток, легко и свободно кружатся в воздухе, словно бабочки, невесомые и прозрачные, и спокойно, тихо ложатся на землю, передавая ей свою красоту, свои запахи.

Они бы непрочь еще радовать и деревья, и нас своей ажурностью, красотой, но... безропотно покидают свои гнездовья, потому что пришло время.

Пришло время деревьям плодоносить.

И вот на деревьях уже зарождаются желтые абрикосы, черешня темно-красного окраса, фиолетового цвета сливы, яблоки, груши, айва, гранат... Деревья клонятся к земле, гнутся под тяжестью вкусного дива, а нетерпеливые плоды, не дожидаясь ласковых человеческих рук, падают на землю, бросаются со стуком — тук, тук — в желании облегчить родителю его бременную участь...

И земля вся усеяна плодами. Совсем недавно она была окутана легкими цветами, а сейчас — налитыми соками сказочными фруктами.

А вот и осень идет осторожно, то согревая еще не остывшим солнцем, то умывая непослушным дождем, то испытывая ветрами. И стоят деревья сиротливо сбросив все свои листья, разметав голые ветви в стороны, а более крепкие — вскинув вверх к небу, откуда приходит к ним жизнь: и тепло, и вода, и всякая благодать.

А пока эта благодать — снег.

Он покрывает своей нежной шубой ветки, стволы, землю (нет, нет, им совсем не холодно под белым покровом, а наоборот — они дремлют в тепле) и готовит к следующему плодоношению.

Под нежным снегом деревья спят в ожидании пробуждения.

И нового цветения...

А мой сосед... Человек...

Если вчера он был ухоженный, довольный собой и своей судьбой, гордый независимостью и достоинством, сегодня как-то увял, погас блеск в его глазах. Лицо осунулось и вытянулось. Щеки покрылись щетиной неясного цвета. Он ни к чему уже не стремится, ничего ему не хочется, усталость, доселе незнакомая, гнетет его.

Походка, когда-то заставлявшая невольно оборачиваться и восхищаться не одну женщину, стала вялой, спотыкающейся, шаркающей, а длинные волосы, поредевшие, выцветшие, висят нечесаными космами.

Что случилось с ним, какие земные и неземные хляби обрушились на его плечи?

И чего он ждет?

Неужели услышать голос духа?

Неужели живет ожиданием отпущения грехов?

А совершал ли он их?

Но кто не совершал? Кто-нибудь сознаётся, что он безгрешен?

Есть ли такой человек?

Он, человек, мой сосед, живет ожиданием отпущения ему грехов.

Деревья, сад живут ожиданием пробуждения.

Как всё-таки могуча в своей жизнестойкости природа.

И как слаб, беспомощен, безволен и жалок человек.

Удивительна натура природы — удивительна суть ее законов, поведения, желаний, целей, стремлений.

Удивительно. И непостижимо. Природа создает плоды, чтобы опить соком земли всё живое; а человека, чтобы угнетать свою душу?.. Как все это понять, уразуметь? Эту философию природы?

Всё чаще и чаще приходит навязчивая мысль: а может, человек и не продукт природы — не ладит он с ней, не вписывается в орбиту ее законов.

Так кто же он, или что он?

Откуда?

И зачем живет на этой, наверное, неудобной, негостеприимной планете?

Глава двадцатая

О МОЕМ ГЕРОЕ

Горы убегают одна за другую и далеко-далеко выстраиваются в цепочку, образуя длинную гряду. Хребет гряды ослепительно искрится снегом. И вечным льдом.

Мы сидим на пригретой солнцем земле. У подножия гор буйствуют зелёные травы и радугой цветов альпийские луга.

Благодарь...

Я ложусь навзничь. В густом синем небе, по его краям (если, конечно, у неба есть края...) как снежные лавы плывут и перекатываются облака. Далеко внизу, под нами, там, куда сбегает и исчезает дорога, застывшие сугробы облаков кажутся огромным полем, заваленным и утрамбованным тюками белого хлопка. Разуйся, ступи на него — и пойдешь как ангел по сказочному простору... Если хочешь знать, что такое рай — так вот он рай. Не медовые реки и кисельные берега, не гурии с восхитительными бедрами и пламенными взглядами, а этот мир мудрых в своей немоте гор, пронзительных, ослепительных снегов, сказочно причудливых облаков и пленяющих буйством красок лугов. И воздух. Пронзительно острый и чистый (если только так позволительно выразиться).

— В чём всё-таки смысл жизни?

Голос Али вкрадывается в полотно величественной картины, взбудоражившей мою душу.

Мы пьем, не вдыхаем, а буквально пьем горный воздух и восхищаемся раскинувшейся перед нами природой.

— Ты о чём? — удивленно произношу я.

— О смысле жизни.

— Не поздно ли вспомнил?

— Время ещё есть.

— Не знаю.

Долгое молчание.

— Ты всё знаешь. Все говорят, что ты всё знаешь.

Я прерываю его:

— Сталин как-то сказал: «Нет человека, который бы всё знал».

— Оставим Сталина для сталинистов. Слушай..., — он вдруг отсекается, — а смысл жизни Сталина в чем был?

— Построить социализм. Справедливое общество.

— И что?

— И то, что мы видим.

— Значит, утопия. А ведь мощь была.

— Утопили ее. Ладно, давай без политики. Меня в последнее время стал часто волновать вопрос: «В чём смысл жизни?». Вот я тебя и спрашиваю...

— В поиске истины.

Он дважды произносит протяжно:

— В чём? В чём?

— В поиске истины. Мы живем, чтобы познать истину. С годами, десятилетиями всё ближе и ближе к ней, а она всё отдаляет-

ся, а время, отпущенное нам, сокращается. Бежим, идём, ползём за истиной... В том и загадочность, и прелесть, и смысл жизни.

— Я с тобой не согласен, — говорит Али. — С твоей концепцией.

— Я с тобой согласен.

— Почему? — удивляется он.

— Да, потому, что ты со мной не согласен.

Мы внимательно глядим друг другу в глаза и... одновременно заливаемся смехом.

Закон единства противоположностей.

Густое синее небо окаймляют отары белоснежных облаков.

Со снежных хребтов текут невидимые ручейки, не позволяя иссохнуть Изанинке.

Изанинка журча и забавляясь в каменном желобе скал, бежит к морю, к Каспию.

Каспий через каналы и проливы уходит в океан.

А океан?

Куда уходит Атлантический океан?

Ну, скажите, куда?

Сливается с другим? Воссоединяется?

Остается самим собой?

Ну, скажите?

Где истина?

А так ли уж сильно она нужна, если океан живет и дает жить континентам, миллионам и миллиардам людей.

Глава двадцать первая

«МОЙ ДАГЕСТАН»:

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Притча о тропе моего отца

Из нашего маленького аула Цада в большой аул Хунзах есть дорога, по которой ездят автомобили. В Хунзахе — районный центр. Мой отец всегда ходил в районный центр не по общей дороге, а по своей собственной тропинке. Он ее наметил, он ее проторил, он ходил по ней каждое утро и каждый вечер.

На своей тропе отец умел находить удивительные цветы. Он собирал их в ещё более удивительные букеты.

Зимой и справа и слева от тропы он лепил из свежего снега маленькие скульптурки людей, лошадей, всадников. Жители Цада и жители Хунзаха приходили потом любоваться на эти фигурки.

Давно завяли и высохли букеты, давно завяли фигурки, вылепленные из снега. Но цветы Дагестана, но образы горцев живы в стихах отца.

Когда я был еще подростком и был еще жив мой отец, мне понадобилось сходить в Хунзах. Я свернул с большой дороги и хотел идти по тропинке, проторенной отцом. Старый горец, увидев меня, остановил и сказал:

— Тропу отца оставь отцу. Ищи себе другую, свою тропинку.

Я послушался старого горца и пошёл искать новый путь».

«Ручеёк, добежавший до моря и увидевший перед собой неоглядные голубые просторы, и смешавшийся с этой великой голубизной, не должен забывать тот родник высоко в горах, от которого начался его путь по земле, и весь тот каменистый, узкий, порожистый, извилистый путь, который пришлось преодолеть».

Глава двадцать вторая

О МОЕМ ГЕРОЕ

Мальчишки спускаются с родных гор в большие города, чтобы стать учеными, поэтами, артистами, политиками, бизнесменами...

Из поднебесья, от незаметной речушки Изанинки, убегающей к Каспию, ушел Али Чаранданович Амирханов. Не ведая, кем будет. Но мечтая стать Человеком.

Я рассказал вам о нём как о человеке.

Мало? Недостаточно?

Но ведь сложно раскрыть все грани характера и души Человека, когда он скромен, более чем скромен и больше думает о сущности человеческого бытия, думает о деле — выбранной цели жизни, и меньше всего о себе как о личности.

Вот и всё, что я хотел вам сказать, подытоживая свои мысли о предназначении человека.

с. Изано

с. Изано

1955 г.

с. Изано

с. Изано

с. Изано, 1984 г.

С братом Амирханом и сестрой Ханике, 1974 г.

Брат Сиражудин

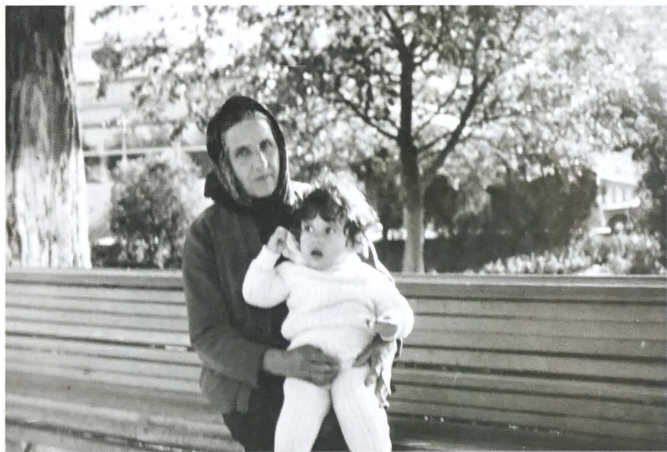
Отец и Амирхан

с. Изано, 1975 г.

Бабушка Пари с внучкой Джамилей, 1984 г.

Бабушка Гульханум с внучкой Джамилей, 1981 г.

1 мая 1966 г.

Дагпединститут, 1967 г.

Дагпединститут, 1968 г.

Обком комсомола, 1971 г.

9 мая 1979 г.

1 мая 1980 г.

г. Махачкала, 1979 г.

Горком КПСС, 1985 г.

На партконференции, 1979 г.

С С. Михалковым и Я. Козловским, г. Махачкала, 1985 г.

пл. Ленина, Махачкала, 1986 г.

пл. Ленина, Махачкала, 1987 г.

пл. Ленина, Махачкала, 1988 г.

пл. Ленина, Махачкала, 1989 г.

Отдых на Чиркейском водохранилище, 2008 г.

г. Москва

Испания

Анталия

Пекин

Стамбул

Гуаньчжоу

Баден-Баден, 2013 г.

Гуаньчжоу

Сентябрь 2013 г.

На туристической выставке, 2006 г.

в Гостинице «Джами», 2010 г.

Гости из Индии, 2005 г.

Дербент, 2006 г.

10-летие «Джами», 2002 г.

20-летие «Джами», 2012 г.

20-летие «Джами», 2012 г.

20-летие «Джами», 2012 г.

20-летие «Джамии», 2012 г.

20-летие «Джамии», 2012 г.

20-летие «Джами», 2012 г.

20-летие «Джами», 2012 г.

20-летие «Джамии», 2012 г.

20-летие «Джамии», 2012 г.

Так было...

Так стало

Так было...

Так стало

Пляж «Джамі»

Гостиница «Джамі»

Гостиница «Джами»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА	4
Глава вторая О МОЕМ ГЕРОЕ	6
Глава третья ПРИТЧА	10
Глава четвертая О МОЕМ ГЕРОЕ.....	12
Глава пятая БЫЛЬ.....	16
Глава шестая О МОЕМ ГЕРОЕ.....	19
Глава седьмая ВОСТОЧНАЯ ПРИТЧА	25
Глава восьмая О МОЕМ ГЕРОЕ	28
Глава девятая БЫЛЬ	31
Глава десятая О МОЕМ ГЕРОЕ.....	33
Глава одиннадцатая ПРИТЧА	36
Глава двенадцатая О МОЕМ ГЕРОЕ.....	39
Глава тринадцатая ПРИТЧА	44
Глава четырнадцатая О МОЕМ ГЕРОЕ	46
Глава пятнадцатая ПРИТЧА	49
Глава шестнадцатая О МОЕМ ГЕРОЕ	52
Глава семнадцатая БЫЛЬ.....	56
Глава восемнадцатая О МОЕМ ГЕРОЕ	60
Глава девятнадцатая ЭССЕ АВТОРА	67
Глава двадцатая О МОЕМ ГЕРОЕ.....	70
Глава двадцать первая	
«МОЙ ДАГЕСТАН»: РАСУЛ ГАМЗАТОВ	
Притча о тропе моего отца.....	73
Глава двадцать вторая О МОЕМ ГЕРОЕ	75

Феликс Бахшиев

БЕЖИТ ИЗАНИНКА К КАСПИЮ

Издается в авторской редакции

Дизайнер *С. Дидковский*

Компьютерная верстка *С. Дидковский*

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Гарнитура «Minion».
Усл.п.л. 6,51. Уч.-изд.л. 6,60.
Тираж 300. Заказ №255.

Отпечатано в ООО «Издательство «Лотос»
367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6.

